

Татьяна Зиновьевна Позняк¹

tzpoznyak@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТР — РЕГИОНЫ И «ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ПАРТИЙНОЙ ЛИНИИ» В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье впервые в отечественной историографии строительство буферного государства анализируется через призму отношений Центр — регионы в рамках политической и исторической регионалистики. При исследовании использованы системный и структурный методы. Автор сконцентрировал своё внимание на практиках и проблемах взаимоотношений Центра и регионов, общего состояния и управленческих возможностей государства. Применительно к Дальневосточной республике (ДВР) следует говорить о нескольких уровнях иерархии власти: Москва (ЦК РКП(б), СНК, НКВД) и её «передаточное звено» Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком выступали в качестве Центра относительно столицы ДВР (Дальбюро, правительство, Совет министров ДВР), а последняя в этом же качестве — для областных властей (губкомы, губбюро, облкомы РКП(б), областные нарревкомы (управления)), на местах управление осуществлялось через низовые структуры: уездные, городские, волостные и т.д. В ДВР фактически воспроизводились имперские и постреволюционные структуры власти с отличием, заимствованным из практики Советской России: партийные органы большевиков, претендовавшие на руководящую роль, дублировали государственные на всех уровнях иерархии. Стремление столицы ДВР устанавливать свои правила, проводить свои решения, при этом не предоставляя регионам ресурсы (финансы, кадры) и информацию (ответы за запросы, законы, инструкции) или давая их в недостаточном количестве, вызывало недовольство региональных властей (партийных и государственных) и необходимость принятия ими самостоятельных решений. Последнее Центром рассматривалось как уклонение от партийной линии и сепаратизм (местничество, партизанщина и пр.). На основе анализа значительного корпуса источников автором делается вывод, что попытка большевиков выстроить вертикаль власти в ДВР наталкивалась на острый дефицит финансов и кадров, была затруднена плохой связью с регионами из-за

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

нарушений работы транспорта и почты, обострением ситуации на Восточном фронте и необходимостью ведения войны.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, ЦК РКП(б), Дальбюро, Сиббюро ЦК РКП(б), Советская Россия, буфер, областные партийные комитеты, Центр, регионы, кадры, финансы, партизанщина.

Tatiana Z. Poznyak²

tzpoznyak@mail.ru

**THE PROBLEMS OF RELATIONSHIPS CENTR —
REGIONS AND “DEVIATIONS FROM THE PARTY LINE”
IN THE FAR EASTERN REPUBLIC**

In the article, for the first time in Russian historiography, the construction of a buffer state is analyzed through the prism of relations between the center and the regions within the framework of political and historical regional studies. The study used systemic and structural methods. The author focused his attention on the practices and problems of relations between the Center and the regions, the general state and managerial capabilities of the state. With regard to the FER, it is necessary to speak about several levels of the hierarchy of power: Moscow (Central Committee of the RCP(b), Council of People's Commissars, Ministry of Foreign Affairs) and its “transmission link” of the Sibburo of the Central Committee of the RCP(b) and Sibrevkom acted as the Center in relation to the capital of the FER (Verkhneudinsk, Chita — Dalburo, the government and the Council of Ministers of the FER), and the latter in relation to the regional authorities (gubernia committees, province bureaus, regional committees of the RCP(b), regional narrevkoms (departments)), followed by grassroots structures — county, city, volost, etc. In the FER, the imperial and post-revolutionary structures of power were actually reproduced with distinction borrowed from the practice of Soviet Russia, the Bolshevik party committees, which claimed a leading role, duplicated the state ones at all levels of the hierarchy. The desire of the capital of the Far East to establish its own rules, to carry out its decisions, while not providing the regions with resources (finances, personnel) and information (answers to requests, laws, instructions) or giving them in insufficient quantities, caused dissatisfaction with the regional authorities (party and state) and the need for them to make independent decisions, the latter was considered by the Center as deviation from the party line and separatism (parochialism, partisanism, etc.). Based on the analysis of a significant body of sources, the author came to the conclusion that the attempt of the Bolsheviks to build a vertical of power in the Far East faced an acute shortage of finances and personnel, poor communication with the regions

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

due to disruptions in transport and mail, an aggravation of the situation on the Eastern Front and the need to wage war.

Keywords: Far Eastern Republic, Far Eastern Bureau (Dalburo), Siberian Bureau, the Central Committee of the RCP(b), Soviet Russia, buffer, regional party committees, center, regions, personnel, finances, partisanship.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

История Дальневосточной республики (ДВР) является весьма исследованной, и наиболее активно в отечественной историографии изучались роль РКП(б) в создании ДВР, организация Народно-революционной армии (НРА), партизанского движения и боевых действий, внешнеполитическая обстановка. Советские историки постепенно формировали нарратив о руководящей роли В.И. Ленина и ЦК РКП(б) в определении характера создаваемого государства, в процессе его становления, в организации борьбы с интервентами и белогвардейцами. Большинство советских авторов не скрывали сходство власти, установленной в ДВР, с существовавшей в Советской России, подчёркивая, что различия носили фиктивный характер (демократическая форма с советским содержанием), а основные мероприятия во внутренней и внешней политике осуществлялись под руководством коммунистической партии [1; 6; 9; 12—13; 16; 18—19; 22; 25—26; 38; 39].

В перестроечное время на волне гласности, надежд на утверждение демократии в стране, требований самостоятельности и освобождения от диктата Центра стало модным преувеличивать степень независимости буферного государства, формировать нарратив о стремлении Дальнего Востока к суверенитету. В частности, Ю.Н. Ципкин назвал ДВР «опытом демократической альтернативы», примером «регионального автономизма», «полигоном новой экономической политики», но большая часть приведённых им фактов говорила о том, что с начала 1922 г. большевики стали готовиться к советизации Дальнего Востока и свёртыванию даже внешних элементов демократии [35].

В части работ перестроечного времени изменилась коннотация прежнего нарратива: те же свидетельства о просоветском характере буфера оценивались по большей части негативно. Классическим примером являются статьи В.И. Василевского, который теперь утверждал, что, хотя на словах в ДВР и провозглашалась демократическая парламентская республика, в реальности она была «государством с ограниченным суверенитетом», элементы парламентаризма

носили «усечённый характер», как и свобода слова и печати, коммунисты широко использовали возможности правящей партии для ограничения деятельности оппозиционных партий [10—11].

В 1990—2020-х гг. в отечественной историографии были созданы обобщающие монографии и подведены итоги изучения истории Гражданской войны, включая и период существования ДВР [17, с. 361—495], опубликованы сборники документов [14—15], появились специальные работы, посвящённые правовым основам и процессу создания буферной государственности [34], биографиям руководителей республики [23—24], внешней политике [20—21; 36], организации государственной политической охраны [8; 37] и др. Значительный вклад в исследование темы внесли монографии А.А. Азаренкова и И. Саблина. А.А. Азаренков детально проанализировал не только появление идеи буфера, но и трансформацию его конструкции, показал, что этот процесс находился в тесной зависимости от расстановки политических сил и военной обстановки в Сибири и Прибайкалье [3], рассмотрел процесс создания и функционирования представительных и исполнительных органов власти в республике [2; 4]. И. Саблин доказывает, что, «хотя дискурс регионализма и фигурировал в дискуссиях, интеллектуалы и политические деятели Дальнего Востока в основном опирались на национализм», используя который большевики в ДВР объединили разные слои населения в борьбе против интервентов и за воссоединение Дальнего Востока с Россией [33, с. 8—9, 23—28].

Однако современные исследователи мало уделяли внимания ситуации в областях ДВР, реализации политических решений на местах и проблемам взаимодействия центральных и местных органов управления. Цель статьи — проанализировать проблемы создания буферного государства через призму отношений Центр — регионы, рассмотреть примеры отклонений от «партийной линии» («сепаратизм», «местничество», «партизанщина», «самоуправство») и реакцию Центра на них.

Применительно к ДВР необходимо говорить о нескольких уровнях иерархии власти. Москва (ЦК РКП(б), СНК (Совет Народных Комиссаров, Совнарком), НКВД) и её «передаточное звено» Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком выступали в качестве Центра в отношении столицы ДВР (Дальбюро, правительство, Совет министров ДВР), а последняя в этом же качестве — для областных властей (губкомы, губбюро, облкомы РКП(б), областные нарревкомы (управления)), на местах управление осуществлялось через низовые структуры: уездные, городские, волостные и т.д.

С апреля по конец ноября 1920 г. территория ДВР охватывала три уезда Забайкалья. Амурская область формально присоединилась

к республике в августе 1920 г., но фактически только в конце года, тогда же в её состав вошла большая часть заявленных в апрельской декларации о создании буферного государства территорий — Забайкалье, Приамурская и Приморская области, кроме зоны отчуждения КВЖД и Камчатской области (последняя по договору о границах с ДВР вошла в состав РСФСР). Приморская область числилась в составе ДВР полгода — с начала декабря 1920 г. до Меркуловского переворота 26 мая 1921 г. [17, с. 398, 408, 450; 32, с. 65—76; 34, с. 87].

Создание ДВР является одной из многочисленных попыток «восстановления государства» на ограниченной территории в годы Гражданской войны. Его особенность заключалась в установке большевиков на временный и марионеточный характер «буфера». Первоначальную идею Политцентра о буферном демократическом государстве большевики трансформировали в плохо прикрытую фикцию демократии и рыночной экономики. Создание ДВР происходило по известным образцам — имперского и временных правительств периода Революции и Гражданской войны — министерская структура с разным набором министерств и ведомств: внутренних и иностранных дел, военного, продовольствия, торговли, промышленности, транспорта и связи, народного образования, здравоохранения, юстиции, труда, социального призрения и др. За менее чем три года существования «буфера» эта структура неоднократно реформировалась, одной из главных причин преобразований был недостаток финансов [31, с. 199—205; 32, с. 77].

Особенностью ДВР по сравнению с другими временными государственными образованиями периода Гражданской войны являлось введение по аналогии с Советской Россией руководства партией большевиков органами власти и управления. Это была не только установка Центра (ЦК РКП(б)), но и инстинктивное желание рядовых большевиков и ответственных партработников не упустить власть из своих рук, несмотря на указания Центра не вводить советскую власть и диктатуру пролетариата, а создавать коалиционное правительство [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1069. Л. 15—15 об.].

Основными источниками исследования являются письма, телеграммы и записи разговоров по прямому проводу представителей центральной власти ДВР с Москвой и областными властями, протоколы заседаний Дальбюро, областных партийных комитетов и партийных конференций, отчёты областных комитетов РКП(б), нарревкомов/управлений, органов Государственной политической охраны ДВР.

Анализ разнообразных документов позволил выявить, что на всех уровнях иерархии власти наблюдались однотипные процессы: с одной стороны, Центр в отношении регионов выступал с установкой

на централизацию и унификацию, с другой — плохая связь, невозможность быстрой передачи информации, нехватка кадров, финансов, медленная разработка и постоянное изменение нормативной базы не позволяли проводить эту линию в полной мере. Замыслы не соответствовали возможностям коммунистов.

ОТНОШЕНИЯ МОСКВЫ СО СТОЛИЦЕЙ ДВР

Проводником влияния ЦК РКП(б) в ДВР выступало созданное 3 марта 1920 г. Дальбюро, подчинённое до августа 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б), а в дальнейшем — ЦК РКП(б). А.М. Краснощёков, входивший в состав Дальбюро и являвшийся председателем правительства ДВР (Президиума Народно-революционной власти, созданного 6 апреля 1920 г.), как и другие члены правительства — коммунисты, был проводником партийного влияния в органах управления. Специального органа для связи и подчинения государственных органов ДВР СНК РСФСР создано не было, однако налицо имелись переписка и получение руководящих материалов министерствами и ведомствами от подобных же структур РСФСР.

Несмотря на отсутствие на начальном этапе создания буфера детально разработанного плана и чёткого видения Центром (Москвой, ЦК РКП(б) и лично В.И. Лениным) того, каков должен быть характер создаваемого государства и как идея «буфера» должна воплощаться на практике [3, с. 47, 81—82], нельзя не признать, что Центр активно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику «независимого» государства и руководил Дальбюро и правительством ДВР. Судя по переписке, телефонограммам и разговорам по прямому проводу, уже в 1920 г. существовало активное взаимодействие между Центром (Москва, Омск/Новониколаевск) и регионом — формально независимым буферным государством со столицей в г. Верхнеудинске. Кроме просьб о пополнении кадрами и финансами (на содержание партийных комитетов, на организацию предвыборной кампании, на армию и военные перевозки и т.д. и т.п.), снабжении литературой и нормативными документами (часто удовлетворяемых Центром) [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 13, 18—18 об.; Д. 11. Л. 9—10, 63, 85—85 об.; Д. 21. Л. 3, 33, 37, 79, 80, 83, 84, 86, 89, 103, 107, 110, 124, 127, 129, 196—199], Верхнеудинск в случае разногласий в Дальбюро и правительстве постоянно апеллировал к Центру, требуя выступить арбитром: жалобы и призывы отозвать А.М. Краснощёкова и ответные просьбы последнего подтвердить его полномочия [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 74, 102, 154—154 об.; Д. 21. Л. 17, 119, 219, 224; Д. 22. Л. 86].

Взаимодействие Центра и столицы ДВР активизировалось при обострении внутри- и внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке: в 1920 г. сепаратные решения Приморья о переговорах с атаманом Семёновым, «медлительность» Владивостока в принятии верховенства Верхнеудинска, соглашение приморских коммунистов и правых социалистов с цензовиками, в 1921—1922 гг. — Меркуловский переворот, наступление белоповстанческой армии, тяжелейшее экономическое положение республики и пр. [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 33—33 об., 37, 43—43 об., 246].

Переписка между Дальбюро, Сиббюро и ЦК РКП(б), требования Центра подчиняться его директивам, угрозы наказанием за нарушение партийной дисциплины, кадровые перестановки, рассылка руководящих и нормативных документов — свидетельство руководства со стороны Центра коммунистами ДВР и принятия последними этого как нормы. Тем не менее непонимание между ЦК РКП(б) и Сиббюро, с одной стороны, столицей ДВР и Владивостоком, с другой, возникало довольно часто. Центр критиковал коммунистов в Верхнеудинске/Чите за попытки отказаться от строительства буферного государства и установить советскую власть; приморских же коммунистов — за «соглашательство» (сотрудничество с цензовиками) и «сепаратизм» (нежелание подчиниться Верхнеудинску) [28, с. 164, 181—184, 191, 194—196].

Сюжет «приморского сепаратизма» — один из часто анализируемых в исторической литературе: авторы по-разному оценивали позицию приморских большевиков в вопросе о «буфере» [6, с. 182—218; 18, с. 186—203; 25, с. 117—121, 141—148]. Эти интерпретации основывались на отличиях точек зрения Центра и региона на положение в Приморье. ЦК РКП(б), Сиббюро, Дальбюро и лично А.М. Краснощёков обвиняли приморских коммунистов в «сепаратизме». Последнее же в 1920 г. упрекали Центр в недооценке сложности международной и внутривосточной ситуации в регионе, невозможности выполнить требования о скорейшем подчинении Верхнеудинску и об отказе от сотрудничества с цензовиками [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12. Л. 24—25; Д. 23. Л. 1—1 об., 13—14, 36, 40; Д. 25. Л. 103, 106—107 об., 123—124; Д. 26. Л. 63—63 об.]. Кроме того, Сиббюро и ЦК РКП(б) не нравились иждивенческие настроения руководства ДВР — требования продовольствия, обмундирования, вооружения для армии и денег для партийных и государственных нужд, кадровых пополнений, а также самостоятельное принятие решений, воспринимавшееся как уклонение от партийной линии и самоуправство [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 119; 14, с. 144—145; 33, с. 182, 187].

Дальбюро выражало недовольство Центром из-за слишком медленных ответов на запросы, игнорирования интересов республики,

вмешательства его в прерогативы местной власти, нарушавшие образ демократического и самостоятельного государственного образования, и пр. Главной причиной претензий к Центру сторонников немедленной советизации в ДВР было его нежелание отказаться от буфера. А.М. Краснощёков же, напротив, писал в Центр: с одной стороны, обращая внимание на противоречия указаний из Москвы (если требуется сохранять видимость самостоятельности и демократии в буфере, то почему Центр постоянно вмешивается во внешнюю политику на Дальнем Востоке), с другой — обращаясь с просьбами подтвердить его полномочия и приструнить сторонников немедленной советизации в ДВР и «сепаратистов» в Приморье [3, с. 91—100; 28, с. 168—173].

Типичным примером «самоуправства» Дальбюро является самостоятельное решение кадровых вопросов. Например, 29 ноября 1920 г. оно предложило ЦК РКП(б) утвердить в качестве кандидатов в его члены М.А. Трилиссера и М.Э. Дельвига и, не получив ответа, 6 декабря 1920 г. послало вторичный запрос, предупредив, что если не последует ответа в течение трёх дней, то кандидатуры будут считаться утверждёнными [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 85, 94].

Негативную реакцию Центра вызвало самовольное решение Дальбюро и правительства ДВР о снятии с должности Главкома НРА Г.Х. Эйхе (1893—1968). 21 апреля 1921 г. Дальбюро после доклада главкома признало необходимым «немедленно отстранить тов. Эйхе от Главкомандования Нарревармией». Он был посажен под домашний арест. 30 апреля Дальбюро уведомило ЦК РКП о своём решении телеграммой [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 115]. В этот же день по прямому проводу Дальбюро передало в ЦК и Реввоенсовет объяснение: «Благодаря бездеятельности Эйхе армия разлагается, моральный авторитет Эйхе благодаря невоздержанному поведению его окончательно упал. Допущенное Эйхе внедрение во все штабы и части семеновцев и каппелевцев парализует доверие военных масс к командованию... Требование очистки армии встречает грубое препятствие. В силу этих причин и мотивов Дальбюро постановило Эйхе сместить...» [38, с. 85; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 62. Л. 118; Д. 64. Л. 4].

Данные решения не были согласованы ни с председателем правительства и членом Дальбюро А.М. Краснощёковым³, ни с пря-

³ Противники, вероятно, воспользовались его болезнью. В декабре 1920 г. — начале января 1921 г. А.М. Краснощёков болел пневмонией. Не долечившись, приступил к работе и 3 апреля 1921 г. вновь заболел тяжелейшей пневмонией с кровохарканием. Несколько недель состояние его оставалось очень тяжёлым, и только в конце апреля он пошёл на поправку [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 446 а. Л. 223, 226, 232, 342].

мым руководством Главкома НРА ДВР — командованием РВСР, ни с ЦК РКП(б). Б.М. Шерешевский, подробно рассмотревший этот случай, не акцентировал внимание на негативной реакции Центра на действия Дальбюро. А Центр весьма гневно отреагировал на них. 2 мая 1921 г. из Москвы от В.М. Молотова (за подписью Г.В. Чичерина) Дальбюро была послана телеграмма: «...Смещение Эйхе без РВСР и Шорина ЦК считает абсолютно недопустимым шагом. ЦК предлагает немедленно освободить Эйхе из-под домашнего ареста и направить его в Москву распоряжение РВСР. Эйхе должен сдать все дела тов. Лапину временно до приезда нового главкома. На ближайшем заседании ЦК будут рассматриваться Дальневосточные дела. В частности, последние постановления Дальбюро и поведение Никифорова. Ваши сообщения будут приняты во внимание полностью» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 119]. Ряд исследователей считает, что снятие Г.Х. Эйхе было вызвано не недочётами в его работе по организации армии, а внутренними интригами в руководстве ДВР: инициатива отставки Г.Х. Эйхе принадлежала П.М. Никифорову и М.И. Губельману и была направлена против А.М. Краснощёкова [5, с. 53—54; 23, с. 153].

28 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело положение в ДВР и наметило ряд мероприятий: «1) экстренно отправить В.К. Блюхера отдельным поездом на Дальний Восток, снабдив его вооружением и возможным снабжением для НРА; 2) дать ДВР не менее 100 военно-политических работников; 3) предложить Наркомпочтелю оказать всяческое содействие ДВР в усилении средств связи, необходимых для НРА; 4) обязать РВСР дать НРА необходимое количество бронепоездов» [цит. по: 38, с. 86].

В конце июня 1921 г. В.К. Блюхер прибыл в Читу. 24 июня Дальбюро предложило правительству назначить его военным министром с исполнением обязанностей главкома. 27 июня решением правительства ДВР был создан Военный совет НРА в составе В.К. Блюхера (председатель), В.И. Бурова, М.И. Губельмана и С.М. Серышева [38, с. 87; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 65. Л. 252].

Однако дело не ограничилось снятием Г.Х. Эйхе с должности. 24 мая 1921 г. Дальбюро телеграммой проинформировало ЦК РКП(б) (копия ЦКК) о постановлении Дальневосточной контрольной комиссии (ДВКК) № 22 от 15 мая 1921 г. об исключении армейской перерегистрационной комиссией при Военпуре Г.Х. Эйхе из РКП(б) без права вступления вновь [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 144—144 об.].

В РГАСПИ была найдена информация о том, что, возможно, послужило причиной такого решения. 22 июня 1921 г. в ЦК РКП(б) В.М. Молотову была послана секретная телеграмма за подписями члена Дальбюро М.И. Губельмана, Предсовмина Ф.Н. Петрова,

Управделами С.Ф. Суховия (копии отправлены председателю Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкому и председателю Сиббюро Н.И. Смирнову) с обвинениями в незаконном присвоении Г.Х. Эйхе большого количества продовольствия и пушнины во время его проезда через Хабаровск [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 174—174 об.]. 21 июля 1921 г. Дальбюро секретной телеграммой сообщило в ЦК РКП(б) о том, что считает необходимым предание Г.Х. Эйхе суду и поручает военсовету и правительству переслать РВС все материалы по его делу [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 209]. ЦК РКП(б), видимо, оставило в силе решение об исключении из рядов РКП(б). Дальнейшая судьба Г.Х. Эйхе рассмотрена в литературе [5, с. 55—57].

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОЛИЦЫ И ОБЛАСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ДВР

Столица ДВР, и в первую очередь Дальбюро, в отношении своей периферии была также нацелена на централизацию и подчинение партийному руководству нижестоящих партийных и государственных органов власти и управления [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 42]. Основными технологиями большевиков для обеспечения своего верховенства были создание комфракций в представительных и исполнительных органах, влияние на фракцию крестьянского большинства, расстановка своих кадров на ключевых постах и пр. [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 6. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 65, 82, 85, 87—88 об.; Д. 118. Л. 33—33 об.; 3, с. 82—89; 4, с. 10—13, 50—60; 10, с. 75—78; 11, с. 48—54; 30, с. 23—31; 33, с. 158—159, 164].

Строительство вертикали власти осложнялось тяжелейшим финансово-экономическим положением ДВР. Занятие большевиками ключевых позиций в государственных и партийных органах затруднялось острым дефицитом финансов и кадров на уровне как областной и уездной власти, так и волостных и сельских комитетов. В течение 1921—1922 гг. просьбы областных властей к Центру прислать работников, способных исполнять обязанности на областном и уездном уровнях, часто оставались неудовлетворёнными. Большевикам удалось в какой-то степени наполнить лояльными кадрами представительные органы власти — в Центре и на областном уровне — и не удалось в исполнительных органах. Областные отчёты, записи переговоров по прямому проводу переполнены жалобами на контрреволюционность волостных управлений, засилье кулаков в сельских комитетах, на отсутствие большевистских кадров для занятия партийных и государственных должностей на низовом уровне [32, с. 63—79].

Протоколы заседаний и отчёты с мест пронизаны недовольством засильем «контрреволюционных элементов» в государственных органах, нередко звучат предложения, ввиду неспособности рядовых коммунистов справиться с управлением в той или иной сфере, ставить на эти участки специалистов и к каждому «контрреволюционеру» прикреплять коммуниста для контроля. Приведу лишь одно из таких высказываний. Выступивший в прениях по докладу губкома РКП(б) на 1-й Прибайкальской партийной конференции И.И. Александров выразил сожаления большинства коммунистов: «Нужно сознаться, что наша партия в ДВР не является господствующей партией. Например, во многих важных правительственных учреждениях стоят чуждые нам люди... чтобы мы представляли из себя крупную силу, нужно чтобы наша партия стала господствующей... Кто в этом виноват? Виноват Губернский Прибайкальский комитет РКП. Нужно было во все правительственные учреждения и предприятия влить коммунистов. Этого сделано не было. Ссылаться на то, что у нас нет работников и т.д. нельзя... У нас коммунисты есть [,]⁴ нужно только уметь распределить их. Где товарищи коммунисты не будут обладать опытом, знаниями, там можно использовать спецов [,] и они не будут вредны, так как будут находиться под контролем наших товарищей [,] поставленных во всех правительственных органах. Это необходимо сделать в самом непродолжительном времени, иначе мы очутимся в плену у правых эсеров и других враждебных группировок, которые неустанно ведут контрреволюционную работу» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 22. Л. 15].

Кроме того, установка на централизацию наталкивалась на нехватку у Центра времени, кадров и средств. Областные власти упрекали Дальбюро в том, что оно не посылает руководящих указаний и инструкций, что его члены и лично А.М. Краснощёков монополизировали право принятия решений, при этом сосредоточив все усилия на переговорах с японцами и строительстве НРА и отодвинув на второй план партийную работу и государственное строительство. Но главный упрёк в адрес Дальбюро — противоречивость указаний по причине отсутствия среди его членов единого мнения на необходимость и характер буфера, на внутреннюю и внешнюю политику ДВР.

Члены Прибайкальского губбюро Плешаков и И.Я. Гольдман в отчётном докладе 1-й областной конференции РКП(б) говорили о недостатках руководства Дальбюро и сложности организации партийной работы [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 22. Л. 5—8]. Такие же

⁴ Здесь и далее знаки в квадратных скобках расставлены автором статьи для лучшего понимания текста.

претензии в адрес Дальбюро звучали и в докладе А.С. Леонова о положении ДВР, разосланном ряду ответственных работников 29 сентября 1921 г. Он обвинял Дальбюро не только в отсутствии разработанного плана и стратегии республики как во внешней, так и во внутренней политике, но и в том, что оно подменяет собой правительство, при этом в силу малочисленности состава и загруженности его членов не в состоянии справиться с огромным количеством второстепенных дел, которые само взвалило на себя [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 201. Л. 11—12].

При проводимой централизации и требованиях подчинения Центру в решении всех вопросов логичным было бы регулярное поступление оттуда руководящих инструкций и финансирования. Регионы ожидали такой помощи. Это касается как действий Москвы по отношению к столице ДВР, так и столицы ДВР по отношению к областным властям. Центр же надеялся, что регионы смогут существовать финансово независимо и по возможности за счёт собственных кадров, чётко придерживаясь линии партии и указаний правительства, забывая при этом, что в силу разных причин циркуляры из столиц поступали с опозданием или вовсе не доходили до мест.

Регионы жаловались, что отсутствие нормативной базы (положений и инструкций о функционале и пределах компетенций различных органов управления, а также их финансировании) приводит на местном уровне к склокам (вплоть до вооружённых конфликтов) между военными и гражданскими властями, административными органами и партийными комитетами. Судя по телеграммам из регионов, на областном и уездном уровнях шла острая борьба за властные полномочия, участники конфликта предъявляли требования соблюдать иерархию и не вмешиваться в функционал и подведомственность друг друга [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 11 об. — 12, 33 об.].

Регионы настаивали на справедливом распределении властных полномочий: они хотели на своей территории сами распоряжаться кадровыми назначениями. В 1920 г. Прибайкальский губернский/областной комитет РКП(б) (губком, губбюро) на заседаниях неоднократно ставил вопрос о праве учёта и распределения партийных кадров, включая назначения на госслужбу, и сообщал об этом в Дальбюро [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 2. Л. 2, 13, 42; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 78—82].

Столица ДВР вела себя при взаимодействии с областными властями точно таким же образом, как Москва и Омск (Новониколаевск) по отношению к ней: самостоятельные решения и действия воспринимались как «оторванность от центра», медленное исполнение руководящих указаний — нарушение партийной дисциплины.

Дальбюро и правительство ДВР указывали региональным властям на плохую организацию партийной работы, отсутствие связи с уездными, волостными и сельскими комитетами, нарушения законодательства, непредоставление отчётов и т.д. и т.п. В ответ регионы ссылались на то, что в условиях постоянного дефицита кадров, финансов, законов и инструкций работать невозможно. Перегруженность кадров решением неотложных задач (организация выборных, посевных, налоговых кампаний, мобилизации, борьба с дезертирством и т.д. и т.п.) и экстремальные ситуации (наступление белоповстанцев, активизация бандитизма) неизбежно отодвигали на второй план текущую организационно-административную работу [27, с. 52—60; 32, с. 68—76].

Областные власти обвиняли столицу, что она плохо осведомлена о ситуации на местах и в условиях дефицита кадров и средств требует выполнения слишком большого количества заданий. Например, в декабре 1920 г. — январе 1921 г. Дальбюро поставило перед областными партийными комитетами задачу провести избирательную кампанию в Учредительное собрание и перерегистрацию партийных кадров. Когда же оно потребовало, чтобы в Восточном Забайкалье была организована областная партийная конференция не позднее 10 января, а в Западном Забайкалье — 20 января 1921 г., областные комитеты указали, что в условиях подготовки к выборам и перерегистрации членов партии сделать это в указанные сроки невозможно [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 187—188 об., 197—197 об., 201; ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 2. Л. 74—75].

Насколько справедливы были подобные выпады региональных властей в адрес Центра, судить трудно, вероятно, они соответствовали действительности лишь отчасти. В конце 1920 — 1921 г. организация органов управления, проведение «партийной чистки», подготовки к выборам в Учредительное собрание, посевная и другие кампании сопровождалась рассылкой областным комитетам директивных материалов, командированием инструкторов, но финансирование либо поступало с большим запозданием, либо вовсе не осуществлялось, несмотря на неоднократные напоминания областных властей [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 102—106; Д. 15. Л. 129, 132—135].

Судя по отчётам Амурского областного комитета РКП(б) за 1922 г., инструкции, книги, газеты, листовки и воззвания для проведения «Недели фронта», посевной, выборной и других кампаний, празднования 1 мая и 7 ноября, в отличие от финансирования, поступали из Читы и рассылались в уезды регулярно, хотя и с некоторым запозданием [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 592. Л. 6 об., 7 об., 14 об.].

Секретарь Дальбюро Г.И. Быков в отчёте о работе секретариата Дальбюро на 3-й Дальневосточной краевой конференции РКП(б), проходившей в Чите с 9 по 17 июня 1921 г., одни претензии регионов признал справедливыми, с другими категорически не согласился. Он указал, что до 19 апреля 1921 г. в связи с постоянной сменой секретарей Дальбюро плохо информировало и снабжало регионы руководящими материалами. Коммуникация с «местами» осложнялась объективными обстоятельствами: «разрыв почтовой связи надо принять на счёт транспортной разрухи на ж.д., за счёт разлива рек, весеннего времени и ввиду валютной оплаты почтрасходов» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 7 об.]. При этом Г.И. Быков привёл статистику предоставления областными комитетами отчётов и протоколов заседаний и указал регионам на то, что именно они повинны в отсутствии связи с Центром: «Места любят ругать центр, но факты говорят за то, что места сами отрываются от центра по вине своих Облакомов и их Секретарей, не поддерживающих органической связи с центром» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 7 об.]. Он также отрицал претензии областных властей о плохом обеспечении кадрами, приведя статистику их перемещения за отчётный период: «Командировано Дальбюро с 1 января по 1 апреля в Совроссию и Совсибирь 223 человека. Командировано в области: Прибайкальскую — 3, Забайкальскую — 14, Амурскую — 7, Приамурскую — 18, Приморье — 7, полосу отчуждения КВЖД — 6, армию — 3. Итого 291 человек, т.е. Дальбюро дало областям 68 товарищей, а области отпустили в Совроссию 223 человека, ибо Дальбюро выпускало прибывших из областей согласно отпускам Облкомпартов. Следовательно, места не дали людей центру, а сами обескровили себя» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 8].

Одним из самых сложных вопросов во взаимоотношениях Центра и регионов был финансовый. Региональные партийные и государственные органы рассчитывали, что централизация и подчинение нижестоящих структур вышестоящим должны сопровождаться финансированием. Разрозненные и неполные сведения источников не позволяют составить точную и полную картину финансовых поступлений как из РСФСР в адрес ДВР и Дальбюро, так и из столицы ДВР областным партийным и государственным органам. Финансирование из Центра на партийные и государственные нужды шло, хотя и не в том объёме, в каком хотелось бы регионам [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 7, 12—12 об., 16—18 об.; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 152—153].

Уже при Верхнеудинском правительстве проявилась установка Центра на обеспечение нужд регионов за счёт их собственных доходов. На заседании правительства 24 июня 1920 г. при рассмотрении

вопроса о финансовой политике в отношении местных органов управления постановили, что они «должны существовать за счёт тех доходов, которые непосредственно поступают к ним с доходных предприятий и обложения. Ввиду того, что налоговый аппарат ещё не налажен, государство берёт на себя субсидирование местных органов управления с тем, чтобы субсидии потом были бы возвращены обратно в кассу Государственного Казначейства. Министерству внутренних дел поручается в срочном порядке затребовать сведения о необходимых субсидиях для управлений в форме смет» [ГАРБ. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 3. Л. 95—95 об.].

Большинство взаимных претензий Центра и регионов были связаны с завышенными ожиданиями обеих сторон. Центр воспринимал требования регионов как несоизмеримые с его возможностями, а последние считали, что он выкачивает из областей ресурсы: требует слишком многого, не давая ничего взамен; не определяет статьи доходов, за счёт которых должны существовать регионы. Примеров подобного недовольства в отчётах и телефонограммах с мест можно найти множество: оно шло как от партийных, так и от государственных органов управления. Жалобы областных властей на задержки финансирования и отсутствие ответов на их телеграфные запросы были типичным явлением при проведении всех кампаний — посевной, налоговой, выборной — и вообще при обеспечении текущей работы местных органов власти и выплаты заработной платы рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 25—33; Д. 91. Л. 24, 68, 78—79; Д. 176. 379 л.].

Приведу две из множества телеграмм от областных партийных комитетов в Дальбюро. «Благовещенск 3 мая 1922 [,] Дальбюро Чита. Совершенно не понимаем [,] чем вызывается такое упорное и высшей степени халатное отношение нашим и облвыборы⁵ запросам о высылке денег на предвыборную кампанию по партлинии [,] ибо ни на один наш и облвыборы по сему вопросу запрос не было дано положительного ответа. Если не будет выслано кредита на днях [,] за успех результатов выборов по партлинии не ручаемся [,] вообще не гарантируем проведение выборов срок. Секретарь Облкомпарта Титов [,] Предоблпарткомиссии Гольдман» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 176. Л. 226—226 об.]. Вторую директор ГУ ГПО отправил Дальбюро 27 июля 1922 г.⁶: «Прошу передать Дальбюро следующее:

⁵ Речь идёт об областной комиссии по проведению выборов в Народное собрание ДВР.

⁶ В документе ошибка с датами: на резолюции стоит 27.04.1922, а входящий номер на штампе — 27.06.1922, копия телеграммы А.Г. Степанова-Бродского не датирована.

Ваше игнорирование моих телеграмм, донесений, а также Губкома, крайне нас поражает, или Вам нет дела до нас [,] или Вы не получаете наших требований. Прибайкальской организации создалось особо критическое положение, нет работников, работа разваливается, нет партдисциплины и связи с массами, каждый хозяин только себе, я, не имея особых полномочий, на ход дела повлиять не могу. Требую срочного отзыва себя [в] Читу для доклада, лучше ещё будет [,] если вместе со мною вызовете и Морозова. Все работы по выборам мною закончены. [В] Субботу остаётся только устроить митинги, на которые ораторы и руководы уже назначены. Заместителя себя я тоже имею [,] кроме того [,] настаиваю на назначении тов. Рейнгольд, как опытного, дельного человека для работы в Облакоме. Жду срочного ответа. Копию этой записки прошу передать в Дальневосточную Контрольную комиссию и Дальневосточную Ревизионную комиссию. Член Дальневосточной ревизионной комиссии Степанов-Бродский» [РГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 91. Л. 101].

Благодаря резолюции, наложенной на телеграмму членом Дальбюро Д.Д. Янсоном, можно проследить реакцию Центра на подобные жалобы: «Верхнеудинск Облакомпарт Степанову [,] Ссылки на игнорирование губкома и Вас ни на чем не основаны [,] Дальбюро каждый вопрос обсуждало [,] и меры принимались [,] о чём Вам даны соответствующие телеграммы [,] Работники для проведения предвыборной кампании были своеврем[енно] посланы, на постоянную работу выехал один свердловец [,] ближайшие дни посылается другой работник, о работе Облнарсобрания директивы даны минвнуделом. Предлагаем не бросаться пустыми фразами [,] а лучше помочь местным товарищам в работе по выборам. Если работу закончили, то к выезду в Читу с нашей стороны не возражаем, Морозов должен остаться на месте...» [РГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 91. Л. 101]. Центр явно раздражали постоянные просьбы о присылке кадров и средств.

Отчаянное положение с финансированием можно проследить на материалах Амурской области. В 1920 г. областные власти снабжали население и армию за счёт средств, собираемых с населения и предприятий, а также золота, переданного Благовещенску на хранение Временным правительством — Приморской областной земской управой [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 237—238, 240—241; 29, с. 105—106]. В 1921 г. продовольствие и товары для товарообмена поступали из столицы только продовольственным органам. Изменение продовольственной политики — переход от развёрстки к разным формам товарообмена с деревней — лишь на время решало проблему снабжения населения городов и армии.

Подоходно-поимущественный прогрессивный налог был введён в конце 1921 г., но его начали собирать только весной 1922 г. Положение с продовольственным обеспечением осложнилось небывалой засухой в Амурской области летом 1921 г. В результате в её бюджете катастрофически не хватало средств на выдачу пайка рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, а после введения золотого рубля — для выплаты им заработной платы. Недостаточное финансирование было одной из важнейших причин невозможности наладить работу органов государственного управления [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 4 об. — 5; Д. 114. Л. 237—238, 251, 263; Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 17. Л. 7—23 об., 93—93 об., 98—100].

В 1922 г. отчёты Амурского облкома РКП(б), наряду с подробными сведениями о проведённых областными и уездными комитетами кампаниях, об их организационной и агитационной работе (что свидетельствовало о постоянном и тесном взаимодействии облкома и Дальбюро), содержат немало жалоб на тяжёлое экономическое положение области, нехватку партийных кадров и денег на заработную плату рабочим и служащим [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 592. Л. 2, 4, 10—10 об., 22 об. — 23, 54, 59 об., 63, 70 об. — 71, 115—116].

Амурское областное управление в отчёте за июль 1922 г. докладывало в Центр о том, что «острая нехватка средств» связана с отсутствием закона, регламентировавшего введение налогов на содержание органов местного управления и обеспечение их неотложных нужд, в результате замедлилась работа по организации уездных управлений, отсутствовали средства на заработную плату сотрудникам: «Крайне ограниченные средства, отпущенные Облуправлением на создание этих центров, были далеко не достаточны, что само собой неблагоприятно отражалось на работе вновь организованных управлений, которые [,] изыскивая средства на покрытие текущих расходов, вводили все новые налоги, часто не согласованные с существующими законами. Для предотвращения подобного рода ненормальных явлений работа административного отдела была до крайности обременена вследствие малочисленного штата сотрудников... Одной из причин, тормозящей работу, [—] это общая расшатанность аппаратов на местах, почему установить регулярную связь с местами крайне затруднительно. Причиной к осуществлению намеченной цели [—] это отсутствие средств на оплату труда должностных лиц, которые [,] не получая никакого вознаграждения за свой труд, слабо проявляют инициативу, в большинстве случаев относятся к делу пассивно, возбуждая только личные ходатайства об отказе от занимаемых должностей. Сельские комитеты в большинстве случаев не функционируют по той же причине. Обязанности сельских

председателей в большинстве селений выполняются в порядке очереди, при чём нередко случаи передачи обязанностей председателя лицу безграмотному или малограмотному, что само собой понятно усугубляют работу Уездных управлений» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 22 об.].

Перевод на самообеспечение государственных учреждений и предприятий, по мнению областной власти, был проведён непродуманно. Амурское областное управление в отчёте за сентябрь 1922 г. жаловалось в МВД, что Управление промышленности предприятия, не работавшие и не имевшие никакой ценности, передало на содержание областному управлению, ценные же — оставило за собой [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 73].

Амурская область не являлась исключением, подобные жалобы поступали от всех субъектов республики.

Однако кроме недовольства областных властей дефицитом кадров, финансов и руководящих указаний, в ДВР неоднократно возникали «бунты» региональных управленцев, вызванные идейными разногласиями с Центром.

Важнейшим расхождением между столицей республики и областными партийными комитетами стал вопрос о необходимости «демократического буфера», при этом и в Дальбюро не было единства по этой проблеме [28]. Несмотря на то, что в 1920 и первой половине 1921 г. в ДВР вводились фактически советские методы и практики хозяйствования: трудовая повинность (август 1920 г.) [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 22. Л. 26, 27; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 144—147], хлебная и мясная продразвёрстки (май 1920 г.) [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 22. Л. 1—6], подводная повинность (июль 1920 г.) [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 88], право госорганов на реквизиции и конфискации имущества граждан (1 августа 1920 г.) [ГАРБ. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 14. Л. 635—635 об.], запрет хождения «звонкой монеты» (декабрь 1920 г.) [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 96—97 об.] — большая часть «ответственных работников» и рядовых коммунистов ратовали не просто за приближение юридических норм ДВР к советским, а за полный переход к диктатуре пролетариата и установление советской власти.

Существует масса свидетельств того, что большинство членов Дальбюро стремились скорее перейти к «советским порядкам». 5 декабря 1920 г. А.А. Знаменский, делая на заседании Дальбюро доклад об экономической политике, настаивал на невозможности длительного существования в ДВР частного хозяйства [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 90]. Среди «ответственных работников» и рядовых коммунистов в республике господствовало убеждение, что в отсутствие частной собственности, рынка и товарно-денежных

отношений исчезнет эксплуатация, а плановое производство и распределение позволят обеспечить всех трудящихся продуктами и товарами. Экономическая политика Советской России коммунистами воспринималась как идеал. Изменения в экономической сфере в РСФСР рисовались участникам строительства ДВР в розовом цвете. Многие были убеждены, что в Советской России в 1920 г. уже достигнуты значительные успехи в борьбе с экономической разрухой и в решении продовольственной проблемы, а в ДВР все экономические проблемы связаны именно с невозможностью установления диктатуры пролетариата и необходимостью из-за предписаний сверху сохранять частную собственность и рынок [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 22. Л. 6, 13, 17, 21].

Например, среди участников 1-й Прибайкальской партийной конференции, проходившей в г. Верхнеудинске 25—29 января 1921 г., господствовали просоветские настроения. Один из участников отразил отношение большинства коммунистов к демократическим свободам: «Партизаны провозгласили Советы, а их принудили признать буферное государство со всеми „демократическими“ прелестями» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 22. Л. 17]. Доклад А.М. Буйко о хозяйственном строительстве в ДВР пронизан идеей, что при существовании частной собственности и без диктатуры пролетариата невозможно справиться с хозяйственной разрухой [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 22. Л. 51—60].

Строительство государства в республике, по мнению рядовых коммунистов, ещё более осложнилось после Учредительного собрания и принятия Конституции. Доклад⁷ инструкторов Прибайкальского губкома РКП(б) П. Коваленко и И. Шиповских, посланных в Мало-Куналейскую и Малетинскую волости для проведения выборов волостных и сельских комитетов, отражает широко распространённую среди коммунистов точку зрения: «Основной закон своим появлением много помешал нашей государственной работе. Солидная демократичность со всеми её прелестями вскружила голову всей чёрной своре [,] и они от радости орут: „Свобода без всяких ограничений“... Район переполнен различными нелепыми слухами. Вся свора в телячьем восторге ведёт свою работенку [,] и мы думаем, что если Правительство не сделает пополнение конституции с разъяснениями и с некоторыми обрезками „Длинных свобод“, то работа будет разрушена сильной волной чёрной реакции и построить таковую вновь при таковой демократической атмосфере будет излишним старанием...» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 3. Л. 9].

⁷ Доклад не датирован, предположительно апрель — май 1921 г.

Недовольство регионов часто было связано с неприязненным отношением лично к А.М. Краснощёкову и насаждаемой им политике, но не только: Дальбюро в целом обвинялось в «увлечении учредилкой» и игнорировании областных интересов. Красноречивым примером таких коллективных протестов является срочная телеграмма из Прибайкалья от 15 апреля 1921 г. в два адреса — ЦК РКП(б) и В.И. Ленину: «Вынуждены бросить работу [,] бежать [,] идти на партийное преступление [,] формально не имея силы продолжать его дальше по существу. Долгая работа в ДВР убедила нас полной невозможности доверять ни морально [,] ни политически Краснощёкову как главе правительства и Дальбюро как партруководителю. Основной тон агентов власти [,] насаждаемых Краснощёковым [,] полная аморализованность [,] недисциплинированность [,] безответственность [,] дискредитирование власти в глазах масс. Борьбы с этим злом не ведется никакой [,] ибо центры ДВР игнорируют места [,] не считаются с ними ни в чём. Дальбюро РКП вместо политической работы и руководства производит разрушение парторганизации [,] мешает работе. Дальбюро существует лишь на бумаге [,] его деятельность [—] интриги. Мы изнемогли [,] и дальше нести тяжёлую ответственность за недостойную преступную политику безответственных [,] не считающихся ни с чем лиц не можем. Требуем присылки людей для замещения наших мест не позднее чем в месячный срок со дня подачи этой телеграммы. Материальные средства ДВР тоже распределяются нерационально [,] не планомерно. Центр живёт за счёт мест [,] обескровливая их. В областях по несколько месяцев рабочие [,] учителя [,] медицинские работники не получают заработка. Настаиваем на сугубом внимании к нашему требованию [,] оно продиктовано политическим долгом [,] велениями революционной совести. Промедление в проведении нужных мер по обновлению центра грозит гибелью нашего дела в ДВР. В случае неприятия Вами мер указанное нами время мы бросим работу [,] так как у нас нет сил продолжать её...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 85. Л. 56; Д. 88. Л. 8, 10—10 об.]. Под письмом 10 неразборчивых подписей, первым идёт секретарь Прибайкальского обкома РКП(б) И.Я. Гольдман.

Эта телеграмма, вероятно, написана после «заседания ответственных работников Прибайкалья» 11 апреля 1921 г.⁸, на котором было заявлено, что в области наблюдается «полнейшее бездействие»: «Причина заключается в том, что в создавшейся обстановке работать невозможно. Дальбюро нежизненно и не работоспособно,

⁸ На заседании присутствовали: «Артемьев, Буйко, Букау, Гольдман, Маракулин, Полянский, Петров, Серова, Чезари, Клейнцеллер, Рябинин, Савельев, Лукьянов, председатель КСМ и др.» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 3. Л. 10].

не считается с голосом партийной и рабочей массы и слишком забуферилось. ЦК, вероятно, благодаря ложной информации [,] постановил оставить этот центр, необходимо протестовать против этого самым категорическим образом. Работа вестись не может. Создалось общее подавленное состояние у всех ответственных работников». Большинство участников настаивали на необходимости связаться с ЦК РКП(б) и доложить обстановку в ДВР. Центр обвиняли в чрезмерном увлечении демократией и бездействии: «Наши министры слишком задемократились»; «в Чите слишком увлеклись учредилкой»; «Дальбюро как будто поставило своей целью разрушить всё. Все мероприятия, исходящие оттуда, тормозят работу или совсем останавливают её. Если бы не старые партизаны, армия давно бы развалилась, но при таких условиях и партизаны могут отойти от нас. Армия голодает, голодает в то время [,] как в Чите роскошествуют...» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 3. Л. 10—13].

Этот «бунт» не был чем-то неожиданным и родившимся в результате решений Учредительного собрания. В 1920 г. разные составы Прибайкальского губбюро обвиняли Дальбюро в игнорировании запросов и отсутствии директив [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 1. Л. 50, 54; Д. 2. Л. 2, 3, 13, 42, 74—75], на 1-й областной партийной конференции в конце января 1921 г. раздалась жёсткая критика в его адрес [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 3. Д. 22. Л. 5—8, 11, 13, 17—21]. 19 февраля 1921 г. Прибайкальский обком посылал телеграмму ЦК РКП(б) с жалобой на Дальбюро — отсутствие руководящих указаний, долгое неутверждение нового состава обкома, избранного партийной конференцией, невысылка последнему денежных средств, систематическое откомандирование ответственных работников из «обескровленной» партийными силами области [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 88. Л. 13].

Плохая сохранность и разрозненность документов Гражданской войны не позволила определить реакцию Читы на «бунт» прибайкальских коммунистов. Основными формами борьбы с уклонениями от партийной линии были отправка в Советскую Россию, угрозы наказанием по партийной линии, вплоть до исключения из партии, перевод из одной области в другую. В данном случае, видимо, часть работников перевели на другую работу, хотя переводили именно в другие места, чтобы преодолевать местничество, так, И.Я. Гольдман летом 1921 г. работал в Амурской области.

Другой пример «бунта» представителей регионов против Центра — «партизанщина» в Амурской области. В ноябре 1920 г., вскоре после взятия Читы⁹, встал вопрос о включении амурских

⁹ Чита была взята 22 октября 1920 г.

партизанских отрядов в НРА и подчинение их единому командованию. Это вызвало недовольство руководителей партизан, которые предложили отменить единоличное командование и создать для коллективного руководства армией Военный совет¹⁰.

12 ноября 1920 г. Главком НРА ДВР Г.Х. Эйхе представил в Дальбюро ЦК РКП(б) секретный доклад о принципах организации НРА и своё обоснование необходимости сохранения единоначалия и подчинения партизанских отрядов единому командованию [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 79—80]. По его словам, мотивами инициаторов создания Военного совета были: «1. Невозможность одному лицу справиться с задачей организации и управления армией. 2. Могущее якобы создаться недоверие Амурских партизанских масс к неизвестному им лицу и вообще к центру ДВР». По мнению Г.Х. Эйхе, эти мотивы не выдерживали никакой критики, поскольку мощь армии «заключается не в популярности той или иной личности, а в строительстве на строгих научных и определённых политических основах». Требование ставить в центре коллектив из популярных лиц «в своём развитии может привести к абсурду — необходимости назначения всюду лиц [,] известных партизанам Амура» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 80]. Этот доклад является лишь одним из многочисленных свидетельств установки на централизацию, подчинение НРА военному командованию Красной армии. Г.Х. Эйхе, как и большая часть прибывших в ДВР партийных работников и военспецов, брали за образец Красную армию, а «партизанщину» воспринимали как отступление от него.

На 1-й Дальневосточной партийной конференции, состоявшейся 22—28 ноября 1920 г., вновь был поставлен вопрос об организации дисциплинированной и боеспособной армии и необходимости быстрого и безболезненного изживания «партизанщины» («забайкальской и амурской махновщины»). На конференции вновь возникла дискуссия о формах руководства НРА: против создания Военсовета выступали Г.Х. Эйхе и А.М. Краснощёков. Военные делегаты командировали в Сиббюро ЦК РКП(б) и Москву двух своих представителей с наказом отстаивать там необходимость в ДВР Военсовета [38, с. 81—82].

Несмотря на неоднократные директивы об искоренении «партизанщины», она продолжала существовать. 2 ноября 1921 г. Дальбюро вновь поставило задачу уже перед новым главкомом В.К. Блюхером — «принять энергичные действительные меры к быстрейшей

¹⁰ Военный совет существовал во время создания НРА, но был упразднён 23 мая 1920 г. [38, с. 81].

ликвидации партотрядов в Амурской области» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 120—121]. Важность этого вопроса и восприятие его Центром именно в контексте неподчинения регионов общему руководству подчёркивает комментарий о деятельности Дальбюро за ноябрь 1921 г.: «Из группы прямо или косвенно связанных с партработой необходимо отметить вопрос об Амурской организации, здоровой и сильной в общем и целом, но вследствие наибольшей оторванности от центра, сохранившей на своей территории остатки партизанщины 1920 г. и до сих пор ещё не втянувшейся в общие (нормальные) организационные рамки партийной структуры. Особенно большое место Амурской организации — это именно партотряды. На разрешение вопроса с ними Дальбюро и Секретариат останавливается в ноябре несколько раз» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 120].

Несмотря на однозначные и неоднократные указания Дальбюро о ликвидации «партизанщины», в Амурской области как будто о них ни разу не слышали. В разговоре по прямому проводу 24 ноября 1921 г. с Читой представители Благовещенска М.В. Титов и Раевский заявили: «...Мы не знаем, как нам вести работу. Партотряды с усиливающимся в области бандитизмом окончательно становятся нам поперёк дороги как в смысле проведения продналога, так и в смысле организационной и государственной работы. Враждебное настроение населения к власти и нашей партии доходит до крайних пределов [,] и все наши попытки всколыхнуть центр с мёртвой точки по отношению партотрядов остались мёртвыми до сих пор. Нужно спешно дать решительные директивы командованию и положить конец этому» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 101. Л. 65].

Член Дальбюро А.М. Буйко (Чита) ответил: «...О партотрядах нами буквально с десятки раз давались Вам ответы в том смысле, что эти отряды расформируются в Амурской области и что вообще никаких вооружённых особых сил, кроме подчинённых общему военкомандованию, не должно быть. Ещё раз завтра же буду говорить с Военсоветом [,] и ещё раз будет сообщено Вам всё подробно, включая и приказ Военсовета о партотрядах» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 101. Л. 66].

Наступление белоповстанческой армии и отступления НРА привело, с одной стороны, к панике в Амурской области, с другой — к мобилизации населения и активизации создания крестьянами партизанских отрядов. 3 декабря 1921 г. Амурское областное управление вновь доложило в Центр, что стали нередко действовать «шайки авантюристов», которые под видом «людей, не по праву именующих себя партизанами», производили самовольные аресты, реквизиции и прочие бесчинства [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 54. Л. 176; 38, с. 136].

23 декабря 1921 г. Дальбюро поручает членам правительства Д.С. Шилову и В.С. Бондаренко «совместно с Военным советом разработать исчерпывающий план о партдвижении и добровольчестве» и выносит постановление «о командировании тов. Бондаренко в Амурскую область для работы по руководству партдвижением» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 155].

25 декабря 1921 г. в Благовещенске состоялась конференция представителей партизанских отрядов, на которой был создан Революционный штаб партизанских отрядов (Ревпартштаб), принята декларация. Руководство штаба составили председатель Ревпартштаба С. Шилов, товарищ председателя Ревпартштаба Мельников и секретарь Большаков, члены Юшкевич, Аксенов, Оськин, Власюк. Создание штаба вызвало недовольство Амурского областного управления, командования НРА и областного отдела ГПО. Их не устраивали лица, руководившие Ревпартштабом, неподчинение этого объединения приказам, самовольные действия по самообеспечению — «произвол», «бесчинства», «грабежи» местного населения [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—4].

Начальник Амурского отдела ГПО И.А. Стручков в разговоре по прямому проводу с директором ГУ ГПО Л.Н. Бельским доложил о создавшейся в области обстановке. Этот вопрос стал одним из главных на заседании Дальбюро 28 декабря 1921 г., где постановили: «Рассматривая образовавшийся в Благовещенске „Революционный штаб партотрядов“ как организацию [,] мешающую нормальной работе государственного и в частности военного аппарата и чрезвычайно вредную в особо-серьезных существующих ныне условиях [,] считать необходимым: а) Поручить Амурскому Облакому и военному командованию всеми средствами и возможностями тормозить и парализовать работу указанного штаба до приезда в Благовещенск тов. Трофимова [.] б) С приездом тов. Трофимова выяснить возможность полной ликвидации партштаба [.] в) „Декларацию“ [,] выработанную партштабом [,] к опубликованию не допускать ни в коем случае [.] г) Поручить Секретариату к следующему заседанию Дальбюро наметить 10 ответственных [,] могущих вести самостоятельную работу товарищей для срочной переброски: 5 в Амурскую область (тыл) и 5 непосредственно на фронт» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Л. 157—158; Д. 1166. Л. 57].

30 декабря 1921 г. Амурский обком РКП(б) и президиум облуправления послали телеграмму в адрес ГУ ГПО, Дальбюро ЦК РКП(б) и Военсовета НРА, где изложили своё видение проблемы: «Приморские события вызвали партизанских отрядах Амуробласти подъём духа и их вождей полагая руководство партотрядами

обособить командование НРА, каковой целью группа работников этой категории организовалась здесь по инициативе своей Ревштаб следующих лиц Шилов, Большаков, Власюк, Мельников, Юшкевич, Аксенов, Осокин, Новиков, Анархисты, Высоцкий, Кальжанов, Горбушин, Матвеев — Максы¹¹. Облаком парт став перед свершившимся фактом не желая создавать излишних осложнений заняв компромиссную позицию согласился на существование данного штаба при условии безусловного подчинения Военкомандованию НРА и частности Командующему Амурвоенрайону в части оперативной полагая парализовать тот далеко не коммунистический набор членов Штаба, каковым дышали они. Ряд членов штаба принадлежат группам максов и анархистов и появление данного штаба есть их идея осуществляющая возможность бороться вооружёнными коммунистами остальные даже члены РКП являются игрушкой в руках дельцов. Этот же штаб впитал в себя преступный элемент, как например Аксенов, Кальжанов и друг. Ясно что такой Главштаб ни с какой стороны удовлетворить нас в дальнейшем не может, как идут явно против Правительства ДВР и РКП в частности по сему Амуроблкомпарт настаивает категорически на роспуске данного штаба и недопустимости образования подобных отпрысков будущем политической аномалии. Считаю возможным образования отдела при существующем командовании по партотрядам лишь как наши непосредственной инициативы. № 385/ш 30/12. Секретарь Облакома РКП Титов Член Президиума Стручков» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 176. Л. 3].

2 января 1922 г. Главком НРА В.К. Блюхер и заместитель председателя правительства ДВР Д.С. Шилов¹² (Чита) были вызваны для разговора по прямому проводу с представителями облкома РКП(б) Фадеевым, М.И. Тайшиным и одним из руководителей Ревпартштаба — С.С. Шиловым¹³.

¹¹ Максималисты.

¹² Шилов Дмитрий Самойлович (1893—1952), брат С.С. Шилова, родился и вырос в Забайкалье, сельский учитель, член компартии с 1917 г., в 1918 г. начальник штаба Красной гвардии Забайкалья, военком Забайкальской области, член облисполкома, член Центросибири и президиума Сибирского военного комиссариата, Военно-революционного штаба Забайкалья, врид командующего Восточно-Забайкальским (Даурским) фронтом (июнь 1918 г.). Один из организаторов большевистского подполья и партизанской борьбы в Амурской области. В 1920—1922 гг. командующий Амурским фронтом ДВР (22.04.1920 — 18.08.1920), член Амурского областного правительства, председатель Учредительного собрания ДВР (февраль — апрель 1921 г.), зам. председателя Совета министров ДВР [7, с. 33].

¹³ Шилов Степан Самойлович (1885—1954), брат Д.С. Шилова, член партии большевиков с 1905 г., родился и вырос в Забайкалье, сельский учитель, журналист, участник революционного движения с 1901 г., в 1908 г. был выслан

Фадеев считал, что Ревштаб может существовать, но его не устраивал персональный состав и неподчинение местному командованию НРА. Президиум же обкома партии был убеждён, что второго штаба, помимо существующего, образовывать нельзя: «...Создание второго штаба Президиум считает невозможным, потому что: 1) разнобой и двоевластие неизбежны, один из штабов должен быть поглощён вторым... 2) в области создаётся полная анархия — представители второго штаба уже проводят реквизиции и конфискации продовольствия, лошадей и прочее. Всё это на глазах крестьян пропивается или увозится за границу. По вопросу о вооружении партиотрядов Президиум считает, что оружие может быть выдано только организованным, вполне сформированным отрядам, отправляемым на фронт. Выдавать оружие желающим получить его — значит создать банды, которые не будут выполнять приказов штаба и на фронт не пойдут. По вопросу об отправке партизан на фронт положение таково: пока отправлять некого и приказы об отправке на фронт не исполняются даже старыми партизанами. Президиум считает, что при твёрдом принципе организации и вооружении партиотрядов можно будет иметь партизанские части действующие не на словах а желающие сражаться на фронте. Мобилизация безусловно тормозится организацией партиотрядов, чтобы не идти в регулярную армию записываются в партиотряды, говорят, что пойдут они на фронт тогда, когда пойдут все» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 3 об. — 4].

С.С. Шилов настаивал, что руководители самоорганизующегося партизанского движения пользуются доверием масс и только они способны организовать действительно широкое движение борьбы с белоповстанческими войсками [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 4].

В ответ Д.С. Шилов выразил недовольство Центра самовольными действиями местных лидеров партизанского движения: «...Всякое распыление революционных сил, всякий разнобой и не объединение одной непреклонной революционной волей является преступлением перед Революцией и трудящимися. Наше спасение в единстве и организованности, поэтому если у Вас создались разногласия с РКП, как руководительницей обороны революции на Дальнем Востоке, то Вы должны немедленно изжить это разногласие, если нельзя иначе, то в порядке устранения своей организации

в Енисейскую губернию, бежал за границу, с 1910 г. снова ведёт революционную работу в Забайкалье. С марта 1918 г. комиссар Забайкальского обл. исполкома. С августа 1918 г. скрывался в Амурской области от колчаковских властей. Председатель Амурского областного «таёжного исполкома», созданного в ноябре 1919 г., на VIII съезде трудящихся Амурской области, в апреле 1920 г., был избран председателем областного военно-революционного комитета [7, с. 34; 17, с. 302, 350, 426].

от работы, чтобы не расстраивать революционные ряды, ещё будет лучше, если Вы сольёте Вашу работу и тактику с той тактикой, которая сейчас указывается партией и центром. Зову Вас к полному объединению Революционных сил, беспрекословному и точному исполнению всех приказаний единого Центра, руководящего борьбой на Дальнем Востоке — Правительство и Военный совет Республики. Совет старым большевиком: „Не расколите рядов, не сыграйте на руку врагам, а лучше уйдите умереть на фронте“» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 4].

В.К. Блюхер настаивал на разгоне штаба, поскольку крестьяне, организовавшись в партизанские отряды, препятствуют мобилизации и пополнению рядов НРА [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 3—3 об.]. Он указал, что штаб формирования партотрядов «должен подчиняться Начальнику Тыла Амурской области, а через него [—] Полевому командованию. В состав партотрядов и прочих формирований должны приниматься только добровольцы, не подлежащие призыву в войска НРА по последней мобилизации... Партизаны, подлежащие призыву по последней мобилизации, объявленной в Приамурской и Амурской областях, должны аккуратно явиться на сборные пункты для направления их в части НРА» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 4—4 об.]. В конце разговора С.С. Шилов попросил брата, Д.С. Шилова, на следующий день после его переговоров со штабом вновь обсудить вопрос по прямому проводу, и тот согласился [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 4—4 об.].

Однако в этот же день, 2 января 1922 г., Дальбюро вынесло своё категорическое решение: «Существующий в Благовещенске Революционный штаб партотрядов ликвидировать в кратчайший срок, способом [,] определённым Военсоветом НРА и Директором ГПО. В случае образования [,] согласно предложению ВоенСовета [,] Штаба формирования партотрядов, в таковой С. Шилова не вводить» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 35; Д. 131. Л. 3].

Утром 3 января 1922 г. состоялось заседание Ревпартштаба Амурской области, на котором постановили: «1) Штаб [,] выдвинутый революционными массами [,] как таковой сохраняется и продолжает руководить партдвижением. 2) Ревпартштаб ни в коем случае не соглашается на образование Ревштаба по назначению правительства и РКП [,] т.к. последняя авторитетом в массах не пользуется и 3) Ревпартштаб считает возможным влить в свои ряды представителей [,] назначенных властью для совместной работы [,] лишь с согласия Ревпартштаба после персонального обсуждения кандидатур. 4) Элементы [,] вредящие постановленной нами цели [,] мы убираем сами. Пожелание Правительства в удалении из Штаба отдельных лиц

принимаем во внимание. И коль скоро таковые пожелания целесообразны [,] их удовлетворяем. Момент требует работы, а не разговоров, как старые революционеры требуем большего доверия. 5) Довести до сведения местной власти в том, что мы говорим с Читой об освобождении партизан и революционных работников из тюрьмы в наикратчайший срок в виду того, что 168 человек объявили с 3 января голодовку. И [,] если власти откажутся освободить, Ревпартштаб примет все зависящие от него меры к освобождению, что может вызвать конфликт между Ревпартштабом и местной властью...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—1 об.].

3 января в 12 часов дня С.С. Шилов по прямому проводу доложил результаты заседания Д.С. Шилову. Степан продолжал настаивать на необходимости и целесообразности существования штаба как единственного представителя и организатора партотрядов в области, на непонимании Центром психологии местного крестьянства, не доверявшего коммунистам и военному командованию НРА. Но ответ Дмитрия был категоричен: «Заявляю Вам всем в последний раз: 1. Всякий [,] кто играет сейчас вольно или невольно на разъединение революционных сил [,] совершает безумие и преступление перед революцией и трудящимися. 2. Не надо смешивать характера партизанского движения в 1919 году и того движения, которое мы стремимся вызвать сейчас. Девятнадцатый год [,] созданный массами [,] естественно и выдвигал вожakov из масс по выборности. Сейчас же мы мобилизуем сами все партизанские элементы, какие мы можем успеть бросить на борьбу, не ожидая [,] когда в деревне проснётся опять стихийное массовое движение против насильников. Ждать некогда, и в этой организации всех революционных сил вокруг одной цели все должны помогать единой стальной непреклонной воле трудящихся, которую обязано и стремится возглавить Правительство ДВР [,] и этой воле должны все подчиниться. Всё [,] что мешает единству [,] должно быть устранено. Не становитесь на путь безумия [,] на котором Вы невольно в настоящей обстановке сыграете на руку врагов» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 2 об.].

4 января 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) одобрило приказ Военного совета ДВР от 3 января 1922 г. о том, что существующие и формирующиеся явочным порядком и не подчиняющиеся командованию НРА партизанские отряды должны рассматриваться как бандиты [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 5—6].

В соответствии с этим решением 6 января 1922 г. Амурский обком партии постановил распустить Ревпартштаб. Некоторых его членов, пытавшихся оказать сопротивление, арестовали. По приказу Нарревкома был создан при начальнике тыла Совет партизанских

формирований Приамурского военного округа под председательством члена правительства В.С. Бондаренко [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 6; 38, с. 137]. 17 января 1922 г. И.В. Слинкин информировал правительство: «Работа по изжитию партизанщины и ревштабства приходит к концу. В области все отряды объединены в регулярные части» [38, с. 138].

Для понимания отношений Центр — регионы показателен разговор двух братьев, прошедших горнило революционной борьбы и партизанской войны, в тот момент выступавших как оппоненты. Первый представлял местные интересы, выражал требования большего демократизма и самостоятельности, уважения к заслугам «старых революционеров», желание крестьянских масс, чтобы во главе партизанского движения стояли люди, которым они доверяют, защищал право крестьян на участие в определении политики государства. Второй транслировал позицию Центра, ратовал за централизацию, жёсткое подчинение партийной дисциплине, выстраивание вертикали власти, единоначалие, определение политики Центром. Основная идея сторонников централизации — сейчас не место излишнему демократизму, необходимо единство всех сил и подчинение единой воле.

Разногласия в вопросе «партизанщины» являлись отражением борьбы за власть и влияние на массы. Местные руководители партизанской борьбы с Колчаком и японскими интервентами 1918—1919 гг. настаивали на том, что они лучше понимают настроения и выражают интересы крестьян. Они считали, что заслуги перед революцией являются основанием для назначения их на ответственные должности, и с ревностью относились к вмешательству Центра в местные дела и кадровые решения, противились жёсткому подчинению областных интересов Центру. Это был местный вариант борьбы против назначенства, за выборы руководителей. Не последнюю роль играло и присутствие среди руководителей штаба и партизанских отрядов представителей анархистов и максималистов, которые критиковали РКП(б) за узурпацию власти.

«Партизанщина» фактически была явлением, органично связанным с требованиями «демократизма», разграничения полномочий между Центром и регионами, выражением крестьянской психологии и традиционных практик коллективного принятия решений. Массы всерьёз восприняли тезис большевиков, что советская власть есть власть трудового народа и потому должна отражать чаяния крестьян, их право на участие в управлении государством. В Советской же России уже начался переход к огосударствлению всех сторон жизни, постепенному выстраиванию вертикали власти и изжитию «демократических иллюзий».

Попытка большевиков выстроить вертикаль власти в ДВР наталкивалась на дефицит финансов и кадров, затруднялась плохой связью с регионами, обострением экономической и политической ситуации в республике, а также идейными разногласиями Центра и регионов. Рассмотренные примеры таких трений отражали требования регионов большего внимания к своим нуждам, своим оценкам ситуации на их территориях, больших полномочий в противовес Центру, который настаивал на проведении единой линии, подчинении партийной дисциплине и решениям вышестоящих органов. Эти примеры показывают, что явления, воспринимаемые Центром как уклонения от партийной линии, были своеобразным сопротивлением регионов централизации и унификации, борьбой за справедливое распределение кадров, финансов и полномочий, но не были региональным сепаратизмом, так как действующие лица не ратовали за отделение регионов от ДВР и Советской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920—1922 гг.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1957. 64 с.
2. Азаренков А.А. «Буферная четырёххвостка»: выборные кампании в представительные органы власти Дальневосточной республики. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомол.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 77 с.
3. Азаренков А.А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил — участников гражданской войны в России (январь 1920 — январь 1921). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомол.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.
4. Азаренков А.А. Политическая модель Дальневосточной республики: механизм функционирования институтов власти «буферного» государства (1920—1922 гг.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомол.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 94 с.
5. Бадиков Р.А. Генрих Христофорович Эйхе // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 45—59.
6. Беликова Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Хабаровск: Кн. изд-во, 1967. 287 с.
7. Борцы за власть Советов в Амурской области (К 70-летию Великого Октября). Благовещенск: РИО Амурупрполиграфиздат, 1987. 39 с.
8. Буюков А.М. Структура и руководящий состав Государственной политической охраны ДВР 1920—1921 гг. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 2007. Т. 10. С. 173—195.
9. Василевский В.И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1979. 144 с.
10. Василевский В.И. К вопросу о парламентаризме в ДВР // Из истории Дальневосточной республики: сб. науч. тр. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 48—54.

11. Василевский В.И. К вопросу об особенностях политической жизни и межпартийных отношений в ДВР // Гражданская война на Дальнем Востоке России: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 5—9 октября 1992 г. Владивосток, 1992. С. 75—78.
12. Геласимова А., Федорец П. Председатель правительства // Красный остров. Воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре. 1918—1922. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1967. С. 204—215.
13. Голионко В.П. В огне борьбы (Из истории гражданской войны 1918—1922 гг. на Дальнем Востоке). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. 296 с.
14. Дальневосточная политика Советской России (1920—1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 371 с.
15. Дальневосточная республика. Становление. Борьба с интервенцией. Февраль 1920 г. — ноябрь 1922 г. Док. и материалы: в 2 ч. Владивосток: Дальнаука, 1993. Ч. 1. 312 с.
16. Егунов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 116 с.
17. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
18. Караваев П. Дальневосточная республика создана // Красный остров. Воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре. 1918—1922. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1967. С. 186—203.
19. Крушанов А.И. Коммунистическая партия — организатор разгрома интервентов и белогвардейцев на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Материалы третьей Дальневост. науч. конф. по истории, археологии и этнографии. Владивосток, 1963. Кн. 1. С. 41—56.
20. Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъёма: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
21. Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194—208.
22. Куцый Г.С. Становление Советской власти в Приморье (1917—1922 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1977. 176 с.
23. Мухачёв Б.И. Александр Краснощёков. Историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 284 с.
24. Мухачёв Б.И. Дело Краснощёкова // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 107—118.
25. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР: победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке, 1917—1922 гг. Изд. 2-е, перераб. М.: Политиздат, 1974. 191 с.
26. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М.: Наука, 1957. 224 с.
27. Позняк Т.З. «Больные вопросы» и внутривластное положение Дальневосточной республики в 1920—1922 годах // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 51—62.
28. Позняк Т.З. «Злополучный буфер»: борьба сторонников и противников буферного государства и массовые настроения в Дальневосточной республике в 1920—1922 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. Т. 37. С. 159—200.

29. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914—1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018. 712 с.
30. Позняк Т.З. «Политтехнологии» Дальневосточной республики: методы и приёмы большевиков в борьбе за власть в «буфере» // Россия и АТР. 2022. № 3. С. 21—36.
31. Позняк Т.З. Продовольственная проблема и внутривластная ситуация в Дальневосточной республике в 1920—1922 годах // Известия лаборатории древних технологий. 2021. № 2. Т. 17. С. 195—207.
32. Позняк Т.З. Создание местных органов власти в Дальневосточной республике: декларации и реальность // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 63—79.
33. Саблин И. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 260 с.
34. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1990. 352 с.
35. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. Вып. 1. С. 119—146.
36. Ципкин Ю.Н., Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной республики, 1920—1922 гг. Хабаровск, 2008. 243 с.
37. Чепик М.В. Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной республики (1920—1922 гг.). М.: Эдитус, 2017. 162 с.
38. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. 187 с.
39. Шерешевский Б.М. Разгром семёновщины. (Апрель — ноябрь 1920 г.). О роли ДВР в борьбе за ликвидацию «читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1966. 240 с.
40. ГАРБ (Гос. арх. Республики Бурятия).
41. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
42. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Avdeeva N.A. *Dal'nevostochnaya narodnaya respublika (1920—1922 gg.)* [The Far Eastern People's Republic (1920—1922)]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1957, 64 p. (In Russ.)
2. Azarenkov A.A. «*Bufer'naya chetyrekhkhvostka*»: *vybornye kampanii v predstavitel'nye organy vlasti Dal'nevostochnoy respubliki* ["Buffer Four-Tails": Election Campaigns to the Representative Authorities of the Far Eastern Republic]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsomol.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 77 p. (In Russ.)
3. Azarenkov A.A. «*Demokraticheskiy kompromiss*»: *ideya «bufera» na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil — uchastnikov grazhdanskoj vojny v Rossii (yanvar' 1920 — yanvar' 1921)* ["Democratic Compromise": The Idea of a "Buffer" in the Far East in the Plans and Tactics of Political Forces — Participants in the Civil War in Russia (January 1920 — January 1921)]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsomol.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 152 p. (In Russ.)

4. Azarenkov A.A. *Politicheskaya model' Dal'nevostochnoy respubliki: mekhanizm funktsionirovaniya institutov vlasti «bufernogo» gosudarstva (1920—1922 gg.)* [The Political Model of the Far Eastern Republic: The Mechanism of Functioning of the Institutions of Power of the “Buffer” State (1920—1922)]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsomol.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 94 p. (In Russ.)
5. Badikov R.A. Genrikh Khristoforovich Eykhe [Heinrich Khristoforovich Eikhe]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 1, pp. 45—59. (In Russ.)
6. Belikova L.I. *Kommunisty Primor'ya v bor'be za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke* [Communists of Primorye in the Struggle for Soviet Power in the Far East]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1967, 287 p. (In Russ.)
7. *Bortsy za vlast' Sovetov v Amurskoy oblasti (K 70-letiyu Velikogo Oktyabrya)* [The Fighters for the Power of the Soviets in Amur Region (To the 70th anniversary of the Great October Revolution)]. Blagoveshchensk, RIO Amuruprpolograf-izdat Publ., 1987, 39 p. (In Russ.)
8. Buyakov A.M. *Struktura i rukovodyashchiy sostav Gosudarstvennoy politicheskoy okhrany DVR 1920—1921 gg.* [The Structure and Leadership of the State Political Protection of the Far Eastern Republic of 1920—1921]. *Izvestiya RGIA DV*. Vladivostok, 2007, vol. 10, pp. 173—195. (In Russ.)
9. Vasilevskiy V.I. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Zabaykal'e* [The Struggle for Soviet Power in Transbaikalia]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1979, 144 p. (In Russ.)
10. Vasilevskiy V.I. *K voprosu o parlamentarizme v DVR* [On the Issue of Parliamentarism in the Far Eastern Republic]. *Iz istorii Dal'nevostochnoy respubliki: sb. nauch. tr.* [From the History of the Far Eastern Republic: Proceedings]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 48—54. (In Russ.)
11. Vasilevskiy V.I. *K voprosu ob osobennostyakh politicheskoy zhizni i mezhpartiynykh otnosheniy v DVR* [On the Question of the Peculiarities of Political Life and Inter-Party Relations in the Far Eastern Republic]. *Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: tez. dokl. i soobshch. mezhdunar. nauch. konf. 5—9 oktyabrya 1992 g.* [The Civil War in the Russian Far East: Abstracts of the International Scientific Conference on October 5—9, 1992]. Vladivostok, 1992, pp. 75—78. (In Russ.)
12. Gelasimova A., Fedorets P. *Predsedatel' pravitel'stva* [Chairman of the Government]. *Krasnyy ostrov. Vospominaniya, ocherki, dokumenty o bor'be za vlast' Sovetov na Amure. 1918—1922* [Red Island. Memoirs, Essays, Documents about the Struggle for Power of the Soviets on the Amur. 1918—1922]. Khabarovsk, Khabar. kn. izd-vo Publ., 1967, pp. 204—215. (In Russ.)
13. Golionko V.P. *V ogne bor'by (Iz istorii grazhdanskoy voyny 1918—1922 gg. na Dal'nem Vostoke)* [In the Fire of Struggle (From the History of the Civil War of 1918 to 1922 in the Far East)]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit-ry Publ., 1958, 296 p. (In Russ.)
14. *Dal'nevostochnaya politika Sovetskoj Rossii (1920—1922 gg.). Sb. dok. Sibirskogo byuro TsK RKP(b) i Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta* [Far Eastern Policy of Soviet Russia (1920—1922). Collection of Documents of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP(b) and the Siberian Revolutionary Committee]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1995, 371 p. (In Russ.)
15. *Dal'nevostochnaya respublika. Stanovlenie. Bor'ba s interventsiyey. Fevral' 1920 g. — noyabr' 1922 g.* Dok. i materialy: v 2 ch. [Far Eastern Republic. Formation.

- The Fight against Intervention (February 1920 — November 1922): Documents and Materials. In 2 Parts]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1993, ch. 1, 312 p. (In Russ.)
16. Egunov N.P. *Ocherki istorii Dal'nevostochnoy respubliki* [Essays on the History of the Far Eastern Republic]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1972, 116 p. (In Russ.)
 17. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoy voyny* [The History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (In Russ.)
 18. Karavaev P. Dal'nevostochnaya respublika sozdana [The Far Eastern Republic has been Created]. *Krasnyy ostrov. Vospominaniya, ocherki, dokumenty o bor'be za vlast' Sovetov na Amure. 1918—1922* [Red Island. Memoirs, Essays, Documents about the Struggle for Power of the Soviets on the Amur. 1918—1922]. Khabarovsk, Khabar. kn. izd-vo Publ., 1967, pp.186—203. (In Russ.)
 19. Krushanov A.I. Kommunisticheskaya partiya — organizator razgroma interventov i belogvardeytshev na sovetskom Dal'nem Vostoke (1918—1922 gg.) [The Communist Party was the Organizer of the Defeat of the Interventionists and White Guards in the Soviet Far East (1918—1922)]. *Voprosy istorii sovetskogo Dal'nego Vostoka. Materialy tret'ey Dal'nevost. nauch. konf. po istorii, arkheologii i etnografii* [The Problems of the History of the Soviet Far East. Materials of the Third Dalnevost. Scientific Conf. History, Archeology and Ethnography]. Vladivostok, 1963, book 1, pp. 41—56. (In Russ.)
 20. Kuras L.V. *Transnatsional'naya istoriya mongol'skogo mira v usloviyakh revolyutsionnogo pod'ema: pervaya chetvert' XX v.* [Transnational History of the Mongolian World in the Conditions of the Revolutionary Upsurge: the First Quarter of the 20th Century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, 252 p. (In Russ.)
 21. Kuras L.V., Tsybenov B.D. Dal'nevostochnaya respublika: ot «konspirativnoy kvartiry» do «kolybeli» Mongol'skoy revolyutsii [The Far Eastern Republic: From the “Safe House” to the “Cradle” of the Mongolian Revolution]. *Rossiya i ATR*, 2021, no. 1, pp.194—208. (In Russ.)
 22. Kutsyy G.S. *Stanovlenie Sovetskoj vlasti v Primor'e (1917—1922 gg.)* [The Formation of Soviet Power in Primorye (1917—1922)]. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1977, 176 p. (In Russ.)
 23. Mukhachev B.I. *Aleksandr Krasnoshchekov. Istoriko-biograficheskiy ocherk* [Alexander Krasnoshchekov. Historical and Biographical Essay]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1999, 284 p. (In Russ.)
 24. Mukhachev B.I. Delo Krasnoshchekova [The Case of Krasnoshchekov]. *Rossiya i ATR*, 2022, no. 1, pp.107—118. (In Russ.)
 25. Nikiforov P.M. *Zapiski prem'era DVR: pobeda leninskoj politiki v bor'be s interventsiyey na Dal'nem Vostoke, 1917—1922 gg.* [Notes of the Prime Minister of the Far East: the Victory of Lenin's Policy in the Fight against Intervention in the Far East, 1917—1922]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1974, 191 p. (In Russ.)
 26. Papin L.M. *Krakh kolchakovshchiny i obrazovanie Dal'nevostochnoy respubliki* [The Collapse of the Kolchak Movement and the Formation of the Far Eastern Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1957, 222 p. (In Russ.)
 27. Poznyak T.Z. «Bol'nye voprosy» i vnutripoliticheskoe polozhenie Dal'nevostochnoy respubliki v 1920—1922 godakh [“Painful Issues” and the Internal Political

- Situation of the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2020, no. 4, pp. 51—62. (In Russ.)
28. Poznyak T.Z. «Zlopoluchnyy bufer»: bor'ba storonnikov i protivnikov bufernogo gosudarstva i massovye nastroyeniya v Dal'nevostochnoy respublike v 1920—1922 gg. [“The Ill-Fated Buffer”: the Struggle of Supporters and Opponents of the Buffer State and Mass Sentiments in the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2022, vol. 37, pp. 159—200. (In Russ.)
 29. Poznyak T.Z. *Povsednevnyaya zhizn' Vladivostoka ot Pervoy mirovoy do Grazhdanskoy voyny (1914—1922): ocherki istorii* [The Everyday Life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914—1922): Essays on History]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 712 p. (In Russ.)
 30. Poznyak T.Z. «Polittekhologii» Dal'nevostochnoy respubliki: metody i priemy bol'shevikov v bor'be za vlast' v «bufere» [“Political technologies” of the Far Eastern Republic: Methods and Techniques of the Bolsheviks in the Struggle for Power in the “Buffer”]. *Rossiya i ATR*, 2022, no. 3, pp. 21—36. (In Russ.)
 31. Poznyak T.Z. Prodovol'stvennaya problema i vnutripoliticheskaya situatsiya v Dal'nevostochnoy respublike v 1920—1922 godakh [Food Problem and Internal Political Situation in the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 195—207. (In Russ.)
 32. Poznyak T.Z. Sozdanie mestnykh organov vlasti v Dal'nevostochnoy respublike: deklaratsii i real'nost' [Formation of Local Authorities in the Far Eastern Republic: Declarations and Reality]. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 2, pp. 63—79. (In Russ.)
 33. Sablin I. *Dal'nevostochnaya respublika. Ot idei do likvidatsii* [The Far Eastern Republic. From Idea to Liquidation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 260 p. (In Russ.)
 34. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922)* [The Formation of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1990, 352 p. (In Russ.)
 35. Tsipkin Yu.N. Dal'nevostochnaya respublika: opyt demokraticheskoy al'ternativy [The Far Eastern Republic: Experience of a Democratic Alternative]. *Iz istorii Grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke (1918—1922 gg.)* [From the History of the Civil War in the Far East (1918—1922)]. Khabarovsk, 1999, iss. 1, pp. 119—146. (In Russ.)
 36. Tsipkin Yu.N., Ornatskaya T.A. *Vneshnyaya politika Dal'nevostochnoy respubliki, 1920—1922 gg.* [Foreign Policy of the Far Eastern Republic, 1920—1922]. Khabarovsk, 2008, 243 p. (In Russ.)
 37. Chepik M.V. *Deyatel'nost' gosudarstvennoy politicheskoy okhrany po obespecheniyu bezopasnosti Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922 gg.)* [The Activities of State Political Protection to Ensure the Safety of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Moscow, Editus Publ., 2017, 162 p. (In Russ.)
 38. Shereshevskiy B.M. *V bitvakh za Dal'niy Vostok (1920—1922)* [In the Battles for the Far East (1920—1922)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1974, 187 p. (In Russ.)
 39. Shereshevskiy B.M. *Razgrom semenovshchiny. (Aprel' — noyabr' 1920 g.). O roli DVR v bor'be za likvidatsiyu «chitinskoy probki» i ob'edinenie Dal'nego Vostoka* [Destruction of the Semyonovshchina. (April — November 1920). On the Role of the Far Eastern Republic in the Struggle for the Elimination of the “Chita Traffic Jam” and the Unification of the Far East]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1966, 240 p. (In Russ.)